

ПО КНИГЕ СНЯТ ФИЛЬМ РИДЛИ СКОТТА
В РОЛЯХ ЛЕДИ ГАГА, АДАМ ДРАЙВЕР, ДЖАРЕД ЛЕТО,
ДЖЕРЕМИ АЙРОНС И АЛЬ ПАЧИНО

ДОМ
GUCCI

СЕНСАЦИОННАЯ ИСТОРИЯ
УБИЙСТВА, БЕЗУМИЯ, ГЛАМУРА И ЖАДНОСТИ

САРА ГЭЙ ФОРДЕН

Кинопремьера мирового масштаба

Сара Гай Форден

**Дом Гуччи. Сенсационная
история убийства, безумия,
гламура и жадности**

«ЭКСМО»

2001, 2020

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Форден С.

Дом Гуччи. Сенсационная история убийства, безумия, гламура и жадности / С. Форден — «Эксмо», 2001, 2020 — (Кинопремьера мирового масштаба)

ISBN 978-5-04-161174-3

Мировая кинопремьера! Главная книга о модном доме GUCCI, ставшая основой фильма Ридли Скотта «Дом Гуччи» — с Аль Пачино, Леди Гага, Адамом Драйвером и Джаредом Лето в главных ролях. История создания модного бренда — и последующих скандалов, личных трагедий и убийства Маурицио Гуччи. Утром 27 марта 1995 года четыре выстрела прогремели на элегантных улицах Милана. Маурицио Гуччи, наследник легендарной модной династии, был убит на пороге своего офиса. Два года спустя начальник полиции Милана вошел в роскошный палаццо бывшей жены Маурицио, Патриции Реджани, которую пресса прозвала «Черной вдовой», и арестовал ее за убийство. Патриция убила своего бывшего мужа, чтобы заполучить его состояние? Или сделала это из ревности к новой невесте? А может быть, Маурицио убил кто-то еще — из-за того, что он потерял контроль над модной империей и едва не разорил семейный бизнес? История династии Гуччи — это головокружительное путешествие в мир высокой моды, блеска и гламура, больших денег — и таких же больших скандалов, интриг и личных трагедий. Тщательно проработанная, прекрасно написанная и получившая мировое признание, книга «Дом Гуччи» рассказывает волнующую историю убийства, безумия, гламура и жадности. «Думаете, GUCCI — это всего лишь фирменные лоферы и логотип с буквой "G"? Эта захватывающая книга о модной империи и убийстве Маурицио Гуччи раскрывает жестокую правду о легендарной семье из мира высокой моды». — Glamour «Мода никогда не была такой драматичной и опасной. Сага о трех поколениях семьи Гуччи начинается с убийства в Милане, походившего на казнь, и проникает в мир одного из самых модных брендов нашего времени. Инсайдер мира моды Сара Форден рассказывает историю о том, как кучка

жадных и препирающихся Гуччи потеряла контроль над империей». — Wall Street Journal «Захватывающее и сложное повествование... Это бизнес-книга, которая читается как роман». — The Economist В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги. Больше интересных фактов о книге и ее экранизации читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-161174-3

© Форден С., 2001, 2020

© Эксмо, 2001, 2020

Содержание

Глава 1. Одна смерть	7
Глава 2. Династия Гуччи	10
Глава 3. Гуччи в Америке	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сара Гэй Форден

Дом Гуччи. Сенсационная история убийства, безумия, гламура и жадности

Посвящается Джулии

Sara Gay Forden

THE HOUSE OF GUCCI:

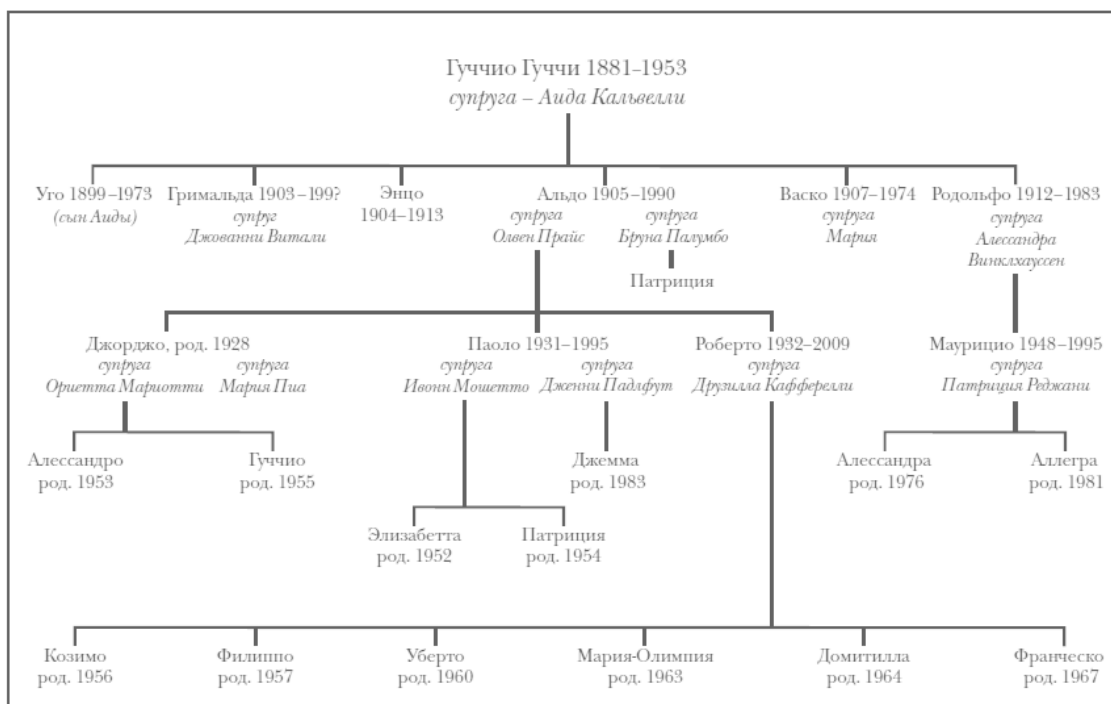
A SENSATIONAL STORY OF MURDER, MADNESS, GLAMOUR AND GREED

Copyright © 2001, 2000 by Sara Gay Forden.

Cover design by Bradford Foltz

© Борисова М.Э., Белолипец М.С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1. Одна смерть

В половине девятого утра понедельника, 27 марта 1995 года, Джузеппе Онорато сметал листья с дорожки перед зданием, в котором работал. Тем утром он явился в восемь часов, как и каждый рабочий день, и его первой задачей было открыть две большие деревянные двери здания на Виа Палестро, 20. В четырехэтажном здании в стиле Ренессанс располагались квартиры и офисы, и находилось оно в одном из самых щегольских районов Милана. Через дорогу, среди высоких кедров и тополей, раскинулись ухоженные газоны и извилистые тропки Городского сада – оазиса зелени и спокойствия среди городского смога и толчеи.

За выходные теплый ветер прошелся по городу, расчистив извечное облако смога и сорвав с деревьев последнюю сухую листву. Тем утром Онорато обнаружил, что дорожка перед зданием усыпана листьями, и бросился подметать их, прежде чем люди начнут заходить и выходить. Военная подготовка внушила Онорато сильное чувство долга и стремление к порядку, хотя и не сломила дух. В пятьдесят один год он был всегда опрятно одет и ухожен, аккуратно стриг свои белые усы и редющие короткие волосы. Он приехал из Кастельдачча на север, как многие сицилийцы, в поисках работы и новой жизни. Отслужив четырнадцать лет в младшем командном составе, Онорато ушел в отставку в 1980 году и решил осесть в Милане, где несколько лет занимался случайными подработками. Швейцаром на Виа Палестро он устроился в 1989 году и теперь ездил на работу из северо-западной части города, где находилась их с женой квартира, на небольшом мотороллере. Это был спокойный человек с ясными синими глазами и приятной застенчивой улыбкой, и дорожку перед зданием он держал в безупречном порядке. Шесть отполированных до блеска ступеней из красного гранита, к которым вел внушительный парадный вход, сверкающие стеклянные двери и сияющий каменный пол фойе – во всем отражалось усердие Онорато. В глубине фойе у него была маленькая застекленная кабинка со столом и стулом, но он редко там находился: предпочитал все время трудиться. В Милане он никогда не чувствовал себя спокойно: город давал ему работу, но почти ничего больше. Онорато ощущал на себе предвзятость, которую жители севера испытывали к *meridionali*, то есть южанам, и одного взгляда хватало, чтобы его задеть. Он не вступал в споры и подчинялся вышестоящим, как его научили в армии, но головы никогда не склонял. «Я ничем не хуже других, – считал Онорато, – даже богатых или из влиятельных семей».

Подметая дорожку, Онорато поднял взгляд и заметил прохожего на другой стороне улицы. Он уже видел этого человека с утра, когда открывал парадные двери. Тот стоял возле маленькой зеленой машины, припаркованной поперек улицы, лицом к Городскому саду, напротив здания, где работал Онорато. Обычно машины выстраивались рядами на обочине Виа Палестро – улицы, на которой оставалась одна из последних бесплатных парковок в центре Милана. Машины здесь парковались под углом и лицом к обочине. Время было раннее, других автомобилей еще не было. Внимание Онорато привлек номерной знак: он болтался почти у самой земли.

«Интересно, – подумалось Онорато, – что этот человек делает здесь так рано?»

Чисто выбритый и одетый в приличное светло-коричневое пальто, мужчина все время смотрел в сторону Корсо Венеция¹, будто ждал кого-то. Рассеянно пригладив собственную редющую шевелюру, Онорато не без зависти отметил густые волосы незнакомца, темные и волнистые.

С тех пор как в июле 1993 года на их улице взорвалась бомба, приходилось быть начеку. Взрыв машины, напичканной динамитом, потряс город, забрав жизни пяти человек и оставив

¹ Одна из центральных улиц Милана, проходит сквозь Квартал моды. На улице расположены бутики известных домов высокой моды, а также дворцы, парки, особняки. (Здесь и далее – прим. ред., если не указано иное.)

от Павильона современного искусства лишь пыль, цемент и стальные балки. Тем же вечером еще один взрыв прогремел в Риме и ударил по Сан-Джорджо-ин-Велабро, базилике в историческом центре города. Позднее выяснилось, что эти взрывы связаны с еще одним, более ранним, произошедшим во Флоренции, на Виа деи Джеоргофили: тогда тоже были убиты пять человек и еще тридцать – ранены. Кроме того, взрыв уничтожил несколько десятков произведений искусства, которые хранились в здании. Это происшествие оказалось связано с главой сицилийской мафии, Сальваторе Риина по прозвищу Тото, которого незадолго до того арестовали за убийство Джованни Фальконе, главного следователя по делам мафии. Риина приказал подорвать несколько ценнейших культурных памятников в Италии, чтобы расквитаться за свой арест. В итоге его осудили и за убийство Фальконе, и за взрывы; сейчас он отбывает два пожизненных заключения. DIGOS, оперативная полиция Италии по противодействию терроризму, опросила всех *portinai*, то есть портье, в Виа Палестро. Онорато сказал им, что в тот день видел подозрительный фургон у ворот парка. С тех пор он держал в своей кабинке блокнот и делал записи обо всем, что замечал необычного.

– Мы ведь глаза и уши квартала, – говорил он своему сослуживцу, который часто заходил на чашку кофе. – Мы знаем всех прохожих, это наша работа – наблюдать.

Онорато развернулся и потянул на себя правую створку дверей, чтобы смести из-за нее последние листья. Зайдя за полуоткрытую створку, он услышал, как кто-то быстро прошагал по лестнице, а затем знакомый голос окликнул его:

– *Buongiorno!*²

Обернувшись, Онорато увидел, как Маурицио Гуччи, владелец офисов на первом этаже, с неизменной бодростью взлетает по лестнице, взмахнув лапами пальто.

– *Buongiorno, Dottore*³, – улыбнулся Онорато в ответ и приветственно поднял руку.

Он знал, что Маурицио Гуччи принадлежит к знаменитой флорентийской семье, основавшей компанию по торговле предметами роскоши под своим именем. В Италии имя Гуччи всегда связывали с изяществом и стилем. Итальянцы гордились своей творческой натурой и многовековым мастерством, и имя Гуччи, наряду с Феррагамо и Булгари, неизменно означало качество и искусную работу. Кроме того, именно Италия подарила миру величайших дизайнеров, таких как Джорджо Армани и Джанни Версаче, – но фамилия Гуччи была известна уже много поколений, задолго до того, как родились эти знаменитые люди. Маурицио был последним из рода Гуччи, управлявшим семейным делом: двумя годами ранее он продал бизнес своим финансовым партнерам, которые планировали вывести фирму Гуччи на биржу. Оставив дело семьи позади, весной 1994 года Маурицио открыл собственную контору на Виа Палестро.

Жил Гуччи неподалеку, в собственном палаццо на Корсо Венеция. На работу он каждое утро ходил пешком и появлялся примерно с восьми до полдевятого утра. Иногда он отпирал входные двери своим ключом и поднимался наверх еще до того, как Онорато открывал тяжелые деревянные створки.

Онорато нередко воображал себе, каково это – быть Гуччи. Маурицио был богатым и привлекательным молодым человеком, и возлюбленная его была красавицей: высокой, стройной блондинкой. Она помогала Гуччи обставить офисы на первом этаже (в Европе так принято называть второй) антикварной китайской экзотикой, диванами и креслами в щегольской обивке, цветистым текстилем и дорогими картинами. Она часто навещала Гуччи во время обеда – в костюмах от Шанель и с безупречно уложенными белокурыми локонами. Эти двое казались Онорато идеальной парой с идеальной жизнью.

² Доброе утро! (*ит.*)

³ Доброе утро, доктор! (*ит.*); слово *dottore* в итальянском языке может служить обращением к любому человеку с высшим образованием.

Стоило Маурицио Гуччи дойти до верхней ступеньки и шагнуть в фойе, как Онорато увидел в дверном проеме темноволосого мужчину. Этот человек поджидал Гуччи, осенило его. Почему только он остановился у подножия лестницы, там, где заканчивался широкий коричневый ковер и начиналась дорожка из серой ткани, закрепленная на каждой ступени медными рейками? Гуччи не заметил, как незнакомец остановился за его спиной; тот не окликнул его.

На глазах у Онорато мужчина распахнул пальто и выхватил пистолет. Он выпрямил руку, направляя дуло в спину Гуччи, и начал стрелять. Онорато стоял всего в паре шагов от него – неподвижно, с метлой в руках. Потрясенный, он был не в силах остановить нападавшего.

Прогремели три быстрых глухих выстрела, один за другим.

Окаменев от ужаса, Онорато мог лишь смотреть. Он видел, как первая пуля пробила пальто Гуччи над правым бедром. Вторая вошла прямо под левое плечо. Онорато заметил, как всякий раз в клочья разлеталась верблюжья ткань пальто Гуччи в том месте, куда в нее попадали пули. «В кино в людей стреляют совсем не так», – подумалось Онорато.

Гуччи обернулся, пораженный, и непонимающе взглянул на стрелявшего, явно не узнавая его, а затем уставился прямо на Онорато, точно спрашивая его: «Что происходит? За что? Почему я?»

Третья пуля задела его правую руку.

Гуччи со стоном сполз на пол, и убийца всадил последнюю, фатальную пулю ему в правый висок. Взглянув на пистолет, Онорато увидел на стволе длинный глушитель. Посмотрел на руку, сжимавшую оружие, – на длинные, холеные пальцы, на ухоженные ногти.

Мгновение, которое показалось вечностью, Онорато смотрел убийце в глаза. А затем услышал собственный голос:

– Не-е-ет! – вскрикнул он, отпрянув и вскинув левую руку, точно пытаясь сказать: «Я тут ни при чем!»

Убийца дважды выстрелил прямо в Онорато, а затем развернулся и бросился за дверь. Онорато услышал звон – это звякнули о пол гильзы.

«Поверить не могу! – подумал он. – Боли совсем не чувствую. Я и не знал, что это не больно, когда в тебя стреляют. – Ему стало интересно, больно ли было Гуччи. – Значит, так все и кончится. Значит, я умру. Жалко, конечно, что вот так. Это же нечестно».

Затем он понял, что так и остался стоять. Взглянул на свою левую руку: та странно свисала, и с рукава капала кровь. Онорато медленно опустился на гранитную ступень лестницы.

«Хотя бы не упал», – сказал он про себя и мысленно приготовился умереть. Подумал о своей жене, о днях службы, о виде на море и на горы из Кастельдачча. Лишь потом он понял, что всего лишь ранен: оба выстрела попали в руку, и смерть ему не грозила, – и его накрыло волной счастья. Он обернулся взглянуть на безжизненное тело Маурицио Гуччи. Труп лежал на самом верху лестницы в луже крови: в падении он вытянулся на правом боку, голова легла на руку. Онорато попытался позвать на помощь, но открыл рот и сам себя не услышал.

Пару минут спустя послышалась нарастающая сирена. Вскоре вой оборвался, и перед Виа Палестро, 20 с визгом затормозила полицейская машина. Из машины выскочили четверо карabinеров в форме, все с оружием в руках.

– Это был человек с пистолетом, – бессильно простонал Онорато с первой ступеньки, и полицейские кинулись к нему.

Глава 2. Династия Гуччи

Кровь ярко-красными брызгами в духе Джексона Поллока расписала двери и белые стены по обе стороны от входа, у которого лежал Маурицио. Гильзы россыпью валялись на полу. Владелец киоска через дорогу, в Городском саду, услышал крик Онорато и тут же вызвал карабинеров.

– Это *Dottor* Гуччи, – сказал им Онорато, указывая здоровой рукой наверх, где лежал неподвижный труп Маурицио, безвольно свесив левую руку. – Он мертв?

Один из карабинеров присел возле тела убитого и прижал пальцы к его шее; не почувствовав пульса, он кивнул. Адвокат Маурицио, Фабио Франкини, прибывший на назначенную встречу минутами ранее, с несчастным видом съезжился на холодном полу возле тела клиента и просидел так четыре часа, пока вокруг работали сотрудники правоохранительных органов и «Скорой помощи». С прибытием «Скорой» и полицейского подкрепления перед зданием начала собираться толпа зевак. Врачи сразу позаботились об Онорато, поскорее забрав его в карету «Скорой помощи», прежде чем на месте совершения преступления появилась следственная группа. За осмотр тела Маурицио взялся капрал Джанкарло Тольятти, высокий и худой блондин с двадцатилетним опытом службы в убийном отделе. В последние несколько лет Тольятти в основном занимался расследованием убийств, связанных с враждующими кланами албанских иммигрантов в Милане. Это было его первое дело в кругах городской элиты: не каждый день в центре города хладнокровно убивают крупного бизнесмена.

– Кто убитый? – спросил Тольятти, склоняясь к трупу.

– Это Маурицио Гуччи, – ответил ему один из коллег. Тольятти поднял глаза и насмешливо улыбнулся.

– Ну да, а я Валентино, – съязвил он, вспомнив о вечно загорелом темноволосом модельере из Рима.

Имя Гуччи всегда ассоциировалось у него с флорентийским торговым домом, который занимался кожаными изделиями. Откуда взяться Гуччи в миланской конторе?

– Для меня это был просто труп, самый обыкновенный, – впоследствии заявлял Тольятти.

Он осторожно вынул забрызганные кровью газетные вырезки из безжизненной руки Маурицио, снял с него часы от Тиффани; они еще тикали. Пока он аккуратно изучал содержимое карманов убитого, явился прокурор Милана Карло Ночерино. На месте преступления царил сумятица: журналисты и операторы теснили и врачей, и карабинеров, и полицию. В Италии работают три вида правоохранительных органов: карабинеры, полиция и *guardia di finanzia*, или налоговая полиция. Боясь, как бы в суматохе не пострадали важные улики, Ночерино спросил, кто первым прибыл на место убийства. Таково одно из главных неписаных правил итальянской полицейской системы: та группа, которая первой явилась на место преступления, и занимается этим делом. Узнав, что первыми прибыли карабинеры, Ночерино быстро отпустил полицию и распорядился закрыть парадные двери в фойе, а тротуар перед входом оцепить, чтобы не подпускать прибывающую толпу. Затем он поднялся по лестнице к Тольятти, который осматривал тело Маурицио Гуччи.

Ночерино и следователи заметили, что из-за выстрела в висок убийство Маурицио выглядело как казнь в духе мафии. Кожа и волосы вокруг раны обгорели, что говорило о стрельбе с близкого расстояния.

– Здесь поработал профессиональный киллер, – сказал Ночерино, осмотрев рану, а затем пол, на котором следственная группа уже обвела мелом шесть гильз.

– Старый добрый *colpo di grazia*⁴, – согласился капитан Антонелло Буччоль, коллега Тольятти. И все же они были озадачены. Слишком много выстрелов, целых два живых свидетеля: Онорато и девушка, которая чуть не столкнулась с убийцей в дверях, – не похоже на работу профессионала, который наносит «удар милосердия».

На осмотр тела Маурицио у Тольятти ушло еще полтора часа, а на то, чтобы узнать все подробности его жизни, – целых три года.

– Мы почти ничего не знали о Маурицио Гуччи, – позже говорил он. – Нам нужно было взять в руки его судьбу и открыть, точно книгу.

Чтобы понять Маурицио Гуччи и его происхождение, нужно понимать тосканский характер. Непохожие на дружелюбных эмигранцев, аскетичных ломбардцев и эксцентричных римлян, тосканцы часто бывают заносчивыми индивидуалистами. Они чувствуют, что представляют источник культуры и искусства всей Италии, и предметом их особой гордости является влияние на современный итальянский язык, в чем они многим обязаны Данте Алигьери. Их иногда называют «итальянскими французами»: высокомерными, самодостаточными и закрытыми от внешнего мира. Итальянский писатель Курцио Малапарте пишет об этих людях в своей книге «*Maledetti Toscani*», или «Проклятые тосканцы».

В «Аде» Данте описывает «флорентийский дух» Филиппо Ардженти: «он в мире был гордец и сердцем сух». Гордый флорентийский или тосканский дух может быть и саркастичным, и острым на язык; такие люди не лезут за словом в карман – как, например, Роберто Бенини, оscarоносный режиссер и исполнитель главной роли в фильме «Жизнь прекрасна».

В 1977 году автор из «Таун энд кантри» спросил у Роберто Гуччи, двоюродного брата Маурицио, могла ли семья Гуччи происходить из другого региона Италии. Роберто поразил этот вопрос.

– Это как спросить, может ли кьянти быть не из Ломбардии, – возмутился он. – Это будет уже не кьянти, а Гуччи не были бы Гуччи! – И он в гневе взмахнул руками: – Разве могли бы мы родиться не флорентийцами, если мы – те, кто мы есть?

Богатая многовековая история купеческого сословия Флоренции у Гуччи в крови. В 1293 году «Установления справедливости» объявили Флоренцию независимой республикой. Пока Медичи не взяли власть в свои руки, городом управляли *arti* – двадцать одна гильдия торговцев и ремесленников. Память об этих гильдиях осталась в названиях флорентийских улиц: это Виа Кальцаюоли (сапожники), Виа Картолаи (торговцы бумагой), Виа Тесситори (ткачи), Виа Тинтори (красильщики) и многие другие. В эпоху Возрождения Грегорио Дати, торговец шелком, писал: «Флорентиец, если он не торговец, не объехал весь мир, не повидал заморские страны и народы и не вернулся во Флоренцию хоть немного разбогатевшим, не заслужит здесь никакого уважения».

Для купца из Флоренции быть состоятельным было почетно, и богатство сопровождалось рядом обязанностей: финансировать сооружение общественных зданий, жить в большом палаццо с роскошными садами, а также спонсировать живописцев, скульпторов, поэтов и музыкантов. Эта любовь к прекрасному и гордость за его создание не уступили ни войне, ни чуме, ни потопам, ни политическим распрям. От Джотто и Микеланджело до современных мастеров в их мастерских искусство процветает и приносит плоды, а взращивают его именно торговцы.

– Во Флоренции девять человек из десяти торговцы, а десятый – священник, – шутил Альдо Гуччи, дядя Маурицио. – Гуччи настолько же флорентийцы, насколько Джонни Уокер шотландец, а флорентийцев не надо учить ни торговле, ни ремеслу, – продолжал он. – Мы, Гуччи, были купцами с 1410 года. Когда говоришь о Гуччи, то знаешь, что это не «Macy's»⁵.

⁴ Выстрел из милосердия, добивающий выстрел.

⁵ Сеть универмагов в США, существующая с 1850-х годов.

Один из бывших сотрудников так отзывался о семье Гуччи:

– Это были простые, невероятно добродушные люди, но у них всех был этот ужасный тосканский характер.

История самого Маурицио начинается с его деда, Гуччио Гуччи. Родители Гуччио держали убыточную шляпную мастерскую во Флоренции в конце XIX века и едва сводили концы с концами. Гуччио сбежал из дома от банкротства отца и ушел матросом на грузовое судно, на котором добрался до Англии. Там он устроился на службу в знаменитый лондонский отель «Савой»⁶. Должно быть, его поражали постояльцы – их шелка и драгоценности, их неподъемный багаж. Кожаные чемоданы, саквояжи, шляпные коробки и тому подобное, украшенные гербами и подписанные громкими именами, заполняли вестибюль гостиницы, которая стала Меккой для высшего общества викторианской Англии. Гости были богаты и знамениты – или хотели влиться в подобную компанию. Лилли Лэнгтри, любовница принца Уэльского, снимала в «Савое» номер за пятьдесят фунтов в год, где принимала гостей. Знаменитый актер сэр Генри Ирвинг часто обедал в ресторане отеля, а Сара Бернар заявляла, что «Савой» стал для нее «вторым домом».

Жалованье Гуччио было невелико, а работа тяжела, но он быстро учился, и этот опыт заметно отразился на его судьбе. Он вскоре обратил внимание, что постояльцы отеля привозят с собой багаж, говорящий об их вкусе и достатке. Ключ ко всему, как оказалось, крылся в горах чемоданов, которые носильщики перетаскивали по длинным коврам коридоров и перевозили в лифтах-подъемниках. О коже Гуччио много узнал в мастерских в своей флорентийской юности. Сыновья Гуччио рассказывали, что, покинув «Савой», он устроился в «Вагонли», европейскую компанию, управлявшую поездами, и путешествовал по Европе в спальнях вагонов, обслуживая и изучая богатых пассажиров и их окружение – прислугу и багаж, после чего, скопив денег, вернулся во Флоренцию четыре года спустя.

На родине Гуччио влюбился в Аиду Кальвелли, швею и дочь соседа-портного. Его вполне устраивал тот факт, что у возлюбленной был четырехлетний сын Уго, отец которого умер от туберкулеза, не успев жениться на Аиде. 20 октября 1902 года, чуть больше года спустя после возвращения в Италию, Гуччио женился на Аиде и усыновил Уго. Жениху был двадцать один год, невесте – двадцать четыре. Она была уже беременна первым их ребенком, дочерью Гримальдой, – девочка родилась три месяца спустя. Аида подарила Гуччио еще четверых детей: один из них, Энцо, умер еще в детстве. После у них были только сыновья: Альдо родился в 1905 году, Васко – в 1907-м, а Родольфо – в 1912-м.

По словам Родольфо, первую работу во Флоренции Гуччио нашел в антикварной лавке. Затем он перешел в фирму, которая выпускала изделия из кожи, где научился азам торговли, прежде чем получил должность управляющего. Когда началась Первая мировая война, ему было тридцать три года и у него была большая семья, тем не менее его призвали в армию в качестве водителя. По завершении войны Гуччио, получивший место во «Франци» – флорентийской компании по производству кожаных изделий, – научился выбирать кожевенное сырье, обрабатывать и дубить кожу, а также работать с материалом разного вида и качества. Он быстро стал управляющим римским филиалом компании. В Рим ему пришлось отправиться одному: Аида отказалась переезжать и осталась дома с детьми. Гуччио навещал семью раз в неделю и собирался открыть свое дело во Флоренции – для клиентов, которые знали толк в хороших кожаных изделиях. В 1921 году, на воскресной прогулке с Аидой, Гуччио заметил, что на узкой улочке Виа делла Винья Нуова, которая соединяла фешенебельную Виа Торнабуони и площадь Гольдони на берегах реки Арно, сдавали внаем небольшой магазинчик. Супруги заговорили о том, чтобы занять это место. Потратив сбережения Гуччио – и, по словам одного

⁶ По разным источникам, он работал посудомойщиком, носильщиком, официантом и даже метрдотелем, однако в документах отеля «Савой» не осталось упоминаний о его найме.

источника, заняв у знакомого, – они открыли первую компанию под своим именем: *Valigeria Guccio Gucci* – «Магазин кожаных изделий Гуччио Гуччи». Позднее, в 1921 году, компания превратилась в *Azienda Individuale Guccio Gucci*, «частное предприятие Гуччио Гуччи». Район рядом с самой популярной в свете улицей Виа Торнабуони хорошо подходил, чтобы привлечь ту публику, которая нужна была Гуччио. На Виа Торнабуони с пятнадцатого по семнадцатый век строили свои палаццо самые богатые и знатные семьи города: Строцци, Антинори, Сассетти, Бартолини Салимбени, Каттани и Спини Ферони. В 1800-х на первых этажах их домов начали открываться дорогие рестораны и магазины. Так, «Кафе Джакоза» подает домашнюю выпечку и напитки высшему свету с самого своего открытия в 1815 году и по сей день. Джакоза, владельцы кафе и поставщики итальянской королевской семьи, изобрели коктейль «Негрони», названный в честь постоянного гостя, графа Негрони. Ресторан «Доней», открывшийся в 1927 году прямо напротив того места, где позже обосновался Гуччи, обслуживал аристократические семьи Флоренции; здесь собирался женский аналог исключительно мужского Жокей-клуба Флоренции. Совсем рядом для аристократии работал цветочный магазин «Меркателли». Многие другие компании на этой улице работают еще с тех времен: в том числе «Рубелли», где продаются качественные ткани из Венеции, парфюмерный магазин «Профумерия Инглезе» и «Прокаччи», известный своими восхитительными бутербродами с трюфелем. Богатые туристы из Европы останавливались в «Альберго Лондрес и Свисс», недалеко от которой, в свою очередь, находилось американское турагентство «Томас Кук и сыновья» на самом углу Виа дель Парионе.

Гуччио начал закупать высококачественные кожаные изделия у тосканских производителей, а также из Англии и Германии, чтобы продавать их туристам, которые стекались во Флоренцию так же, как и в наше время. В выбор Гуччио входили надежные и хорошо сделанные сумки и чемоданы по невысоким ценам. Если он не мог найти то, чего искал, то брал нужное под заказ. Он и сам стремился к элегантности: его изысканные рубашки и идеально выглаженные костюмы всегда выглядели безупречно.

– Это был человек с тончайшим вкусом, который все мы унаследовали, – вспоминал его сын Альдо. – И это сказывалось на всем, что он продавал.

Гуччио открыл небольшую мастерскую за магазином, где самостоятельно изготавливал товары в дополнение к импортным, а также открыл ремонтную мастерскую, которая быстро начала давать прибыль. Гуччио нанял местных мастеров, и его магазин быстро стал известен не только качественными товарами, но и услугами. Через несколько лет он снял помещение побольше за мостом Санта-Тринита, на другом берегу Арно – на улице Лунгарно Гуиччардини. Шестьдесят человек, работавших на Гуччио, получили распоряжение работать до поздней ночи, если понадобится, но выполнять все заказы, которых становилось все больше и больше.

В квартале Ольтарно, к югу от реки Арно, располагалось множество небольших мастерских, которым нужна была речная вода для машин, обрабатывавших шерсть, шелк и парчу. Вдоль реки пролегали широкие бульвары, на юг тянулись улицы поменьше: здесь, в рабочем квартале, гремели топоры и пилы, здесь мыли и отбивали шерсть, здесь кроили, сшивали и ложили кожу. Здесь же обитали антиквары, багетчики и другие мастера. На другом берегу, вокруг площади Республики, располагалось торговое и финансовое сердце Флоренции – еще со Средних веков, когда здесь было представительство влиятельной торговой гильдии, которая управляла процветающей ремесленной сферой города.

Повзрослев, дети Гуччио приобщились к семейному делу – за исключением Уго, который не проявлял к нему интереса. Альдо проявил выдающееся торговое чутье, а Васко, которого прозвали *Succube*, то есть Подчиненный, взял на себя производство, хотя сам он по большей части предпочитал охотиться на просторах Тосканы. Гримальда, по прозвищу *Pettegola* – Сплетница, – стояла за прилавком в магазине вместе с молодой ассистенткой, которую нанял

Гуччио. Родольфо был слишком юн для работы: став постарше, он счел себя выше этого и последовал за своей мечтой – кинематографом.

Гуччио растил детей в строгости: они обращались к нему на «вы», а не на «ты». За столом он требовал хороших манер и салфеткой, как кнутом, погонял тех, кто отступал от правил этикета. Когда семейство выезжало на выходные в загородный дом возле Сан-Кашано, по воскресеньям Гуччио запрягал деревянную двухколесную повозку, погружал в нее Аиду и детей и выдвигался вместе с ними через поля на утреннее богослужение.

– Это была сильная личность, требующая к себе уважения и сдержанности, – говорил один из его внуков, Роберто Гуччи.

Гуччио был запаслив: прошутто для него всегда нарезали самыми тонкими ломтиками, чтобы надолго хватило. Свои ценности он передал и детям: по семейной легенде, Альдо доливал в бутылки с минеральной водой воды из-под крана. Но и у Гуччио были свои удовольствия: одним из них была сытная тосканская кухня, которую Аида подавала для всей семьи на большой стол. Может быть, дело в бедной юности, но в зрелом возрасте Гуччио позволял себе полакомиться, так что и он, и Аида со временем располнели на ее аппетитной домашней еде.

– Я навсегда запомнил его с гаванской сигарой и бесконечной золотой цепочкой от часов вокруг пояса, – рассказывал Роберто.

Гуччио старался одинаково обращаться с Уго и своими родными детьми, но мальчик явно не хотел походить на отца, сестру и братьев. За крупное телосложение и грубые манеры братья прозвали его *Prepotente* – Задира. Когда Уго дал понять, что ему неинтересно помогать семье с магазином, Гуччио нашел ему должность у одного богатого клиента, успешного землевладельца барона Леви. Леви нанял Уго помощником управляющего на одну из своих ферм на окраине Флоренции. Для крепкого молодого человека этот путь казался идеальным. Вскоре Уго, уже женатый, начал хвастаться своим достатком. Гуччи, который все еще стремился расчитаться по давним долгам, попросил у сына взаймы. Уго, который сам был не в лучшем положении, – он много тратил на свою расточительную подружку, за которой тайком ухаживал, – постыдился признаться отцу, что денег у него нет, и все равно пообещал дать ему в долг. Гуччио тем временем уже договорился с банком, которому был должен. Расплатившись по счетам, он пообещал, что вернет Уго деньги с процентами. Не знал он о том, что Уго, который не решился сказать отцу, что преувеличил свой достаток, украл 70 тысяч лир (значительная сумма по тем временам) из кассового ящика барона Леви. Он отдал отцу 30 тысяч лир, как тот и просил, а с остальным сбежал на три недели вместе с подружкой-танцовщицей, служившей на подтанцовке в местном театрике.

Барон Леви сообщил Гуччио, что всерьез подозревает Уго в краже, чем убил всю радость от выплаты старого долга. Гуччио поверить не мог, что его сын опустился до воровства, но факты не оставляли никаких сомнений. Он согласился возмещать барону ущерб по 10 тысяч лир в месяц.

Это был не единственный раз, когда Уго создавал родителям проблемы. В 1919 году молодой Бенито Муссолини основал «Итальянский союз борьбы», предшественник его партии; к 1922 году, когда Муссолини уже избрали в парламент, Национальная фашистская партия привлекла уже 320 тысяч последователей по всей Италии, в том числе чиновников, промышленников и журналистов. В нее вступил и Уго – может быть, бунтуя против отца – и стал ее местным представителем. Он злоупотреблял властью, чтобы давить на барона и других жителей местности, где когда-то работал, в любой момент вваливаясь с компанией пьяных товарищей, требуя еды и выпивки.

Гуччио тем временем едва сводил концы с концами. В 1924 году, на третий год работы магазина, часть поставщиков, которые поначалу поставляли товар в кредит, начали требовать оплаты. При этом не все клиенты Гуччио выплачивали долги, поэтому молодой торговец не мог позволить себе даже оплатить счета. Однажды вечером, собравшись с семьей и доверен-

ными сотрудниками за закрытыми дверями, Гуччио со слезами сообщил своему небольшому собранию, что вынужден будет закрыть магазин.

– Если не произойдет чуда, – сказал он, – мы не протянем и дня.

Всегда сильный и уверенный, Гуччио выглядел как «приговоренный к смертной казни», вспоминает жених Гримальды Джованни Витали. Он был местным земельным инспектором и хорошо знал семью: они с Уго вместе учились в школе, а с Альдо – в Римском католическом училище Кастелетти.

Витали работал на строительный бизнес своего отца и имел небольшие накопления на совместное будущее с Гримальдой. Он предложил выручить Гуччио. Тот скромно принял деньги в долг, от души поблагодарив будущего зятя за спасение их маленького предприятия. В течение нескольких месяцев он полностью вернул Джованни всю сумму долга. Когда дело пошло в гору, Гуччио расширил мастерскую и предложил своим работникам производить собственный товар на продажу. Он нашел умелых мастеров и собрал превосходную команду кожевников – больше художников, чем ремесленников. Эти работники делали первоклассные сумки из тонкой лайки и настоящей замши, чехлы для телескопов со вставками для прочности по бокам, а также чемоданы, вдохновленные сумками «Глэдстоун», которые Гуччио запомнил на работе в Савое. В числе других товаров были кожаные ремешки для переноски пледов, коробки для обуви и ящики для белья: в те времена богатые туристы путешествовали со своим постельным бельем.

Дела шли так хорошо, что в 1923 году Гуччио открыл еще один магазин на Виа дель Парионе, а еще за несколько лет увеличил помещение на Виа делла Винья Нуова. За историю компании эта точка продаж переезжала несколько раз, под конец побывав в домах 47–49, где сейчас находятся бутики «Валентино» и «Армани».

Альдо вступил в семейное дело в 1925 году, в двадцать лет: он на тележке развозил товар покупателям в местные гостиницы, а также занимался несложными задачами в магазине – например, наводил порядок, иногда помогал с продажами и раскладывал товар на витринах.

С самого начала было ясно: Альдо любит совмещать приятное с полезным. Он не только научился быть хорошим продавцом, но и умело флиртовал с молодыми покупательницами. Стройный и симпатичный молодой человек с голубыми глазами, точеными чертами лица и широкой дружелюбной улыбкой мгновенно привлекал барышень, ступавших на порог магазина. Гуччио нравилось, как очарование Альдо влияет на бизнес, и он закрывал глаза на любовные похождения сына. Но затем одна из самых уважаемых клиенток, принцесса в изгнании Ирина Греческая и Датская, явилась в магазин и вызвала владельца на личный разговор. Гуччио тут же пригласил ее в свой кабинет.

– Ваш сын завел роман с моей служанкой! – упрекнула принцесса. – Этому нужно положить конец, или мне придется отправить ее домой: я за нее в ответе.

Гуччио не нравилась идея указывать Альдо, с какими девушками общаться, но обижать такую важную клиентку он не захотел, поэтому позвал сына в кабинет и потребовал объясниться.

Альдо впервые встретил Олвен Прайс, англичанку из провинции с рыжими волосами и ясными глазами, на приеме в британском посольстве во Флоренции. К тому же Олвен не раз бывала в магазине по поручениям хозяйки. Она родилась в семье плотника и училась на портниху и на возможность отправиться в другую страну работать служанкой с радостью согласилась. Альдо очаровали ее скромность и стеснительность, простота и мелодичный английский акцент. Он убедил девушку встретиться с ним наедине и скоро выяснил, что за тихим обликом скрывался смелый нрав. Молодые люди вскоре сошлись, проводя время за городом в любовных развлечениях. Альдо быстро понял, что отношения с Олвен – не мимолетный флирт, а нечто большее. Когда Гуччио и принцесса вызвали его на разговор, он поразил их обоих, объявив, что они с Олвен решили пожениться.

– Отныне Олвен не будет вашей заботой, – вежливо сообщил он принцессе. – Она моя, и заботиться о ней предстоит мне.

О том, что девушка была уже беременна, он умолчал.

Альдо привел Олвен в дом, поручив заботам своей старшей сестры Гримальды, и продолжил встречаться с ней лишь на тайных свиданиях за городом. Затем он отправился с невестой в Англию, знакомиться с семьей. Они обвенчались 22 августа 1927 года в маленькой церквушке в английской деревне Озуэстри, что недалеко от Уэст-Фелтона при Шрусбери, родного городка Олвен. Альдо было двадцать два, Олвен – девятнадцать. Их старший сын Джорджо, которого Альдо всегда звал *il figlio del amore*, плодом любви, родился в 1928 году. Затем были еще два мальчика: Паоло в 1931 году и Роберто в 1932-м. Однако браку не суждено было сложиться счастливо. И Альдо, и Олвен развлекались любовными похождениями, однако семейная жизнь во Флоренции все изменила. Во-первых, им пришлось жить с Гуччио и Аидой, а это значило, что Олвен пришлось уживаться с итальянским семейным укладом и подчиняться строгому авторитету свекра. Все они жили в доме старшего Гуччи на Пьяцца Верцайя, рядом с каменными воротами Сан-Фреддиано, которые когда-то служили входом в окруженный стеной город. Затем пара переехала в собственный дом на Виа Джованни Прати, на окраине Флоренции, и на время напряженность пропала из отношений. Олвен полностью посвятила себя троим сыновьям, Альдо же все больше и больше увлекался семейным делом. Олвен так и не освоила итальянский как следует, а еще была болезненно застенчива, и ей было тяжело завести друзей. Когда муж стал расширять горизонты в деловых контактах, в ней начала копиться жгучая обида и ревность.

– Альдо любил жизнь, а жена отбивала у него интерес ко всему, чем он хотел заниматься, – вспоминала Гримальда, старшая сестра Альдо. – Она никуда не хотела с ним ходить, вечно отговариваясь тем, что нужно было сидеть с детьми. Он вовсе не этого ожидал от брака.

Родольфо, младший сын Гуччио и Аиды, не проявлял интереса к семейному бизнесу, даже когда его братья и сестры уже помогали с работой в магазине на Виа делла Винья Нуова. Родольфо мечтал о другом. Его манила карьера киноактера.

– Я не создан стоять за прилавком, – возражал Родольфо, которого в семье называли Фоффо, своему отцу. Тот только качал головой. – Я хочу сниматься в кино.

Гуччио понятия не имел, откуда у его младшего сына такие мысли, и пытался разубедить его. В 1929 году, когда Родольфо было семнадцать, отец отправил его в Рим с посылкой для важного клиента. Итальянский режиссер Марио Камерини заметил красивого юношу в вестибюле римского «Отеля Плаза» и пригласил на прослушивание. Вскоре в дом Гуччи во Флоренции прислали телеграмму: Родольфо приглашали в студию. Гуччио эта телеграмма привела в ярость.

– Ты с ума сошел! – обрушился он на сына. – Мир кино – это сборище ненормальных! Может быть, тебе и повезет и у тебя будет минута славы – но что потом, когда тебя вдруг забудут и ты навсегда лишишься работы?

Но Гуччио понял, что его сын настроен решительно, и позволил ему отправиться в Рим на кинопробы. Пробы оказались успешными. Родольфо тогда носил короткие штаны, как было принято у мальчиков в те годы, поэтому для такого случая одолжил длинные брюки у своего брата Альдо. Съёмочной группе Родольфо приглянулся, и ему дали роль в фильме «Рельсы»⁷ – одном из шедевров раннего итальянского кино. Это трагическая история о молодых влюбленных, которые решают покончить с собой в дешевой гостинице возле железнодорожных путей. Чувствительное и выразительное лицо Родольфо идеально подходило для стилизованного кино той эпохи. После «Рельсов» молодой человек прославился комическими ролями: его уморительные гримасы и ужимки напоминали зрителю Чарли Чаплина. Снимался он под именем

⁷ «Rotaie» (1929).

Маурицио Д'Анкора. Ни один из последующих фильмов Родольфо не имел такого успеха, как «Рельсы», хотя он и снялся в фильме «Наконец одни»⁸ вместе с молодой итальянской актрисой Анной Маньяни, с которой, по слухам, у него был роман.

На съемках одного из своих ранних фильмов Родольфо встретил энергичную блондинку, которая играла эпизодическую роль. Она была полна жизни и необыкновенно свободна духом по тем временам; это была Алессандра Винклхауссен, снимавшаяся под именем Сандра Равель. Отец Алессандры был немцем и работал на химическом заводе; мать происходила из семьи Ратти из Лугано, что на северном берегу озера Лугано в италоязычной части Швейцарии. Вскоре после того, как Родольфо заметил Алессандру, они оказались вместе в кадре: это был фильм «Вместе в темноте»⁹, ранний звуковой фильм о неугомонной молодой актрисе, которая по ошибке попадает не в тот номер в отеле и ложится в одну постель с Родольфо – который в жизни уже был влюблен в нее без памяти. Эта встреча в постели на экране закончилась романом в реальной жизни. Алессандра и Родольфо сыграли красивую свадьбу в Венеции в 1944 году. Всю церемонию снимали на пленку, в том числе моменты, когда молодожены пересекают лагуну на гондоле и когда радостно поднимают бокалы на званом ужине. Когда 26 сентября 1948-го у них родился сын, его назвали Маурицио – в честь псевдонима Родольфо.

В 1935 году, когда Родольфо еще занимался актерской карьерой и даже не думал обратиться к семейному бизнесу, Муссолини напал на Эфиопию. Это событие, хоть и произошло вдали от берегов Италии, всерьез сказалось на делах Гуччи. Лига Наций наложила эмбарго на международную торговлю с Италией, и пятьдесят две страны отказались поставлять итальянцам свои товары. Это лишило Гуччио качественной кожи и других материалов, нужных для производства эксклюзивных сумок и чемоданов. В ужасе, что его небольшое предприятие погибнет, как рухнула много лет назад шляпная мастерская отца, Гуччио, по некоторым свидетельствам, переоборудовал фабрику под производство сапог для итальянской армии, лишь бы не останавливать работу.

Кроме того, Гуччи начал изобретать альтернативы – так же поступили и другие итальянские предприниматели, например, его сосед Сальваторе Феррагамо, который выпустил самые примечательные модели обуви в самые тяжелые годы эмбарго. Феррагамо хватался за любой вариант, находчиво применяя пробковое дерево, рафию и даже целлофан от конфетных оберток для производства обуви. Гуччи нашли всех возможных поставщиков кожи в стране и начали использовать *cuoio grasso*, кожу жирового дубления, с местного кожевенного завода в Санта-Кроче. Молочных телят, специально выращенных в цветущей долине Валь-ди-Кьяна, откармливали в стойлах, чтобы не повредить шкуру. Затем эти шкуры дубили с внешней стороны и обрабатывали смазочными составами на основе рыбной муки. Так кожи становились мягкими, гладкими и гибкими, любые царапины чудесным образом исчезали с них, стоило только пальцем провести. Со временем Гуччи сделали *cuoio grasso*¹⁰ своей визитной карточкой. Кроме того, Гуччио начал использовать в производстве другие материалы: рафию, плетеные каркасы и дерево – чтобы свести к минимуму расход кожи. Он делал сумки из ткани с кожаной окантовкой; заказывал специально сплетенную *санара*, или пеньку, из Неаполя. Из такой ткани Гуччи создали линейку прочных, легких и узнаваемых саквояжей, которые сразу оказались в числе самых продаваемых товаров компании. Гуччио разработал первый фирменный принт компании, ставший прототипом для знаменитой эмблемы с двойной «G»: мелкие соединенные ромбы, которые печатали темно-коричневым на естественном темном фоне. Такой принт выглядел одинаково с любой стороны ткани. Помимо сумок и саквояжей, на которых основывался бизнес, Гуччио начал производить и другие товары. Он выяснил, что небольшие кожа-

⁸ «Finalmente soli» (1942).

⁹ «Al buio insieme» (1933).

¹⁰ Жирная кожа (*ит.*).

ные аксессуары, такие как ремни и кошельки, приносили неплохой доход, привлекая к магазину внимание тех, кому не нужны были крупные вещи.

В это время Альдо путешествовал по Италии и отчасти по Европе, чтобы изучить возможный интерес к делу семьи. Он заметил положительный отклик в Риме, затем во Франции, Швейцарии и Англии, что убедило его: оставаться только во Флоренции значит ограничивать возможности бизнеса. Если так много людей едут за Гуччи – пускай Гуччи приедет к ним! Он постарался убедить отца открыть магазины в других городах.

Гуччио был категорически против.

– А как же риски? Подумай, какие суммы придется вложить. Где нам взять на это деньги? Сходи в банк и узнай, дадут ли тебе такую сумму!

В ходе семейных споров Гуччио протестовал против всех идей Альдо, но сам за его спиной обращался к банкирам и говорил, что поддерживает план сына.

Наконец Альдо добился своего. 1 сентября 1938 года – всего за год до начала Второй мировой войны – магазин Гуччи открыл двери в Риме, на фешенебельной Виа Кондотти, 21, в историческом здании под названием Палаццо Негри. На тот момент из известных имен на Виа Кондотти были эксклюзивный ювелир Булгари и изготовитель дорогих рубашек Энрико Куччи, чьими услугами пользовались Уинстон Черчилль, Шарль де Голль и правящая семья – Савойский дом¹¹.

Задолго до своей *dolce vita* Альдо заметил, что столица Италии – излюбленное место отдыха мировой элиты. Пока отец вздыхал над счетами, Альдо настаивал: нельзя жалеть денег, если есть шанс сделать магазин Гуччи магнитом для богатых и утонченных туристов. Магазин занял два этажа; на входе установили стеклянные двойные двери с ручками из слоновой кости в форме башенки из оливок.

– Эти ручки, – вспоминал третий сын Альдо, Роберто, – были скопированы с дверей магазина на Виа делла Винья Нуова и стали одним из первых символов «Гуччи».

В больших застекленных витринах из красного дерева выставлялись товары «Гуччи»: дамские сумочки и аксессуары на первом этаже, подарки и саквояжи на втором. Пол первого этажа был покрыт роскошным винного цвета линолеумом; ковровая дорожка того же цвета устилала лестницу и коридор, ведущий в торговый зал второго этажа. Альдо переехал в Рим с Олвен и детьми, снял квартиру на третьем и четвертом этажах здания прямо над магазином. Сначала Олвен забрала детей домой в Англию, но решила вернуться в Италию с началом войны. Союзные державы считали Рим открытым городом¹² и поначалу не бомбили его. Пока Альдо держал магазин на плаву и добивался прибыли, его сыновья ходили в школу, где работали ирландские монашки, а Олвен вместе с группой ирландских священников спасала из плена солдат Союзной армии. Однако в последние недели войны Союзные силы начали бомбить железнодорожные станции на окраинах города. Альдо выслал жену и детей за город, но сам был вынужден вернуться в Рим: городское управление распорядилось, чтобы владельцы магазинов не прекращали работу.

Война разбросала семейство Гуччи. Уго, участник фашистского похода на Рим в 1922 году, стал представителем партии в Тоскане. Родольфо вступил в бригаду артистов и переезжал вместе с войсками, играя комические роли в ранних немых и звуковых фильмах. Васко же после недолгой военной службы разрешили вернуться на фабрику во Флоренцию, где он руководил производством обуви для военных нужд.

Когда война окончилась, Олвен была отмечена за особые заслуги. Она осталась верна своей итальянской семье, и, когда выяснилось, что Уго взят в плен британской армией и нахо-

¹¹ Род, правивший с XI века графством Савойя и маркграфством Суза.

¹² *Открытый город* – город, который во время войны, в силу неизбежного захвата и разрушения, провозглашается необороняемым. Гаагская конвенция 1907 года запрещает любое нападение на открытый город.

дится в Терни, она с помощью всех своих связей добилась для него сначала улучшения условий, а затем и освобождения. Кроме того, она ездила в Венецию вместе с Альдо спасать Родольфо, который после капитуляции Италии оказался там вместе с войсками.

Стране пришлось долго восстанавливаться. Фабрика на Лунгарно Гуиччардини оказалась отрезана от города, так как немцы при отступлении взорвали мосты во Флоренции, в том числе мост Санта-Тринита. Семье пришлось искать новое место, чтобы возобновить производство товаров из кожи. В это время Гуччио, потрясенный связью Уго с Фашистской партией, обратился к новому демократическому правительству Италии с просьбой наложить арест на долю Уго в компании за его деятельность во время войны. Наконец он вызвал пасынка на разговор, чтобы предложить ему участок земли и внушительную сумму денег в обмен на акции. Уго согласился, и их с отцом пути разошлись: он основал кожевенную мастерскую в Болонье, где занимался производством качественных сумок и аксессуаров из кожи, поставляя их как женщинам города, так и семейному бизнесу.

Актерская карьера Родольфо оказалась успешной, однако война резко изменила киноиндустрию. Ранние звуковые фильмы одержали победу над немым кино, и новые итальянские режиссеры-реалисты – Росселлини, Висконти и Феллини – не нуждались в особом стиле, которого требовали от актеров их предшественники. Вскоре оказалось, что молодому Гуччи не достается ни больших ролей, ни хороших сценариев. Ради жены и маленького сына Родольфо – по настоянию Алессандры – попросил у отца места в семейном бизнесе. Альдо, который всегда настаивал на том, чтобы дело оставалось семейным, уговорил отца принять Родольфо. Бизнес рос, Альдо и Гуччио нужна была подмога. Поначалу Гуччио устроил Родольфо на работу в магазин на Виа дел Парионе. Сын тут же возымел успех у дам, сраженных новым красивым и элегантным продавцом в магазине «Гуччи».

– Вы, случайно, не Маурицио Д'Анкора? Вы так на него похожи! – интересовались особенно смелые покупательницы.

– Нет, мадам, меня зовут Родольфо Гуччи, – отвечал тот, галантно кланяясь, и глаза у него польщенно блестели.

Гуччио в течение года понаблюдал за сыном и остался доволен его работой. Родольфо оказался целеустремленным, верным и внимательным к проблемам бизнеса, чем доказал свою надежность. В 1951 году Гуччио пригласил сына и его жену переехать в Милан, чтобы поручить им заниматься новым магазином «Гуччи» на Виа Монте Наполеоне. Расположенная в центре Милана, между Виа Алессандро Манцони и Корсо Маттеотти, Виа Монте Наполеоне служила главной торговой улицей Милана: здесь располагались элитные ювелиры, портные и кожевенники, а также другие предприятия, что ставило улицу на один уровень с Виа Торнабуони во Флоренции и Виа Кондотти в Риме. Новый магазин также был рассчитан на миланских деятелей литературы и искусства, которые собирались прямо за углом, в «Траттория Багутта», которая часто служила местом встреч.

В это время затея Альдо с открытием магазина в Риме приносила плоды. Американские и английские солдаты, оставшиеся после войны, скупали кожаные сумки, ремни и кошельки от Гуччи ручной работы – именно такие сувениры им были нужны. Особенным успехом пользовались чемоданы из фирменной *canapa* с вешалками внутри: британские и американские военные перевозили в них форменную одежду. Дела во Флоренции поначалу шли хуже, чем в Риме, но вскоре счет сравнялся, когда американские туристы хлынули в Италию, чтобы посетить ее исторические и культурные достопримечательности, а заодно потратить свои многочисленные доллары в фешенебельных магазинах. Скоро главной проблемой Гуччи стал темп производства, чтобы успеть удовлетворить спрос. В 1953 году Гуччио открыл еще одну мастерскую, в районе Ольтарно, на другом берегу реки. Эта мастерская в историческом здании на Виа делле Кальдаие играла важную роль в производстве Гуччи еще в 1970-х годах.

Виа делле Кальдае – «котельная» – названа так из-за больших котлов, в которых здесь красили шерсть в XIII–XIV веках. Расположена эта улица к югу от площади Санто-Спирито. В палаццо, которое приобрел Гуччио, изначально был магазин, который торговал фетром и шерстью, а затем купеческая семья Бьюцци в конце 1500-х годов построила здесь просторный дворец Каса Гранде. В 1642 году здание перешло к кардиналу, а затем архиепископу Флоренции Франческо Нерли, которого Данте упоминает в «Божественной комедии». Еще два столетия дворец фигурирует в различных дипломатических отчетах. С начала XIX века палаццо принадлежало поочередно нескольким знатым флорентийским семьям, пока не перешло к Гуччио в 1953 году. Во многих комнатах стены были украшены старинными фресками; самая искусная из них покрывала стены и потолок больших комнат на втором этаже, где мастера Гуччи кроили гладкую *cuoio grasso* и шили изящные сумки. Этажом ниже, под сводами залов первого этажа, другие мастера занимались саквояжами.

Спрос повышался, Гуччи нанимал больше молодых мастеров и приставлял их подмастерьями к уже опытным кожевенникам. За всем этим присматривал *capo operaio*, или главный мастеровой. Каждая команда, состоявшая из подмастерья и проверенного кожевенника, была приписана к своему *banco*, или верстаку, и каждому мастеру выдавался значок с печатью Гуччи и личным номером – тем же, что на рабочем листке, в котором отмечалось рабочее время утром и вечером. К моменту, когда в 1971 году Гуччи открыл современную фабрику на окраине Флоренции, число его работников выросло больше чем вдвое и дошло до 130.

Тосканские кожевенники считали Гуччи самым надежным работодателем, который гарантировал пожизненную безопасность вне зависимости от взлетов и падений рынка.

– Это было все равно что на правительство работать, – вспоминал Карло Баччи, который устроился подмастерьем на Виа делле Кальдае в 1960 году. – Если тебя нанял Гуччи – значит, жизнь устроена, – объяснял он со своим живым и ритмичным тосканским говором. – Другие компании давали людям расчет, если работы не хватало. А на Гуччи можно было положиться. Они производили и производили: знали, что все сделанное будет продано.

Сам Баччи, проработав на Виа делле Кальдае больше одиннадцати лет, как и многие другие его сотрудники, открыл собственную кожевенную фирму и по сей день поставляет «Гуччи» товар.

– Мы приходили на работу в восемь-полдевятого утра, – вспоминал Данте Феррари, который также долго работал на Гуччи. – Перерыв на кофе в десять часов. Если *capo operaio* заметит тебя с *panino*¹³ под столом – непременно составит жалобу! Не только потому, что ты тратишь рабочее время, но и потому, что грязными руками можно испортить кожу!

Кожевенники делились на тех, кто подготавливал шкуры, и тех, кто собирает сумки. В те времена при подготовке кожи необходимо было скоблить внутреннюю сторону драгоценных шкур, которые часто поставлялись с остатками животных тканей. Другие мастера кроили из кожи детали, а третьи – прижимали края специальным инструментом, чтобы места швов были тоньше и их проще было сшивать. Эта обработка называлась *scarnitura*.

Однако настоящим искусством занимались те люди, которые шили сумки. Каждый мастер отвечал за сборку всей сумки с начала до конца. Эта задача порой требовала сшить вместе целую сотню деталей и занимала в среднем десять часов.

– Каждый мастеровой отвечал за свою работу, и на сумке ставился его номер: если находили брак, то образец возвращали в работу. Не было никакой сборочной линии, где один пришивает карманы, а другой – рукава, – рассказывал Феррари. У него сохранилась коллекция черных блокнотов в картонной обложке, в которых он кропотливо зарисовывал и нумеровал каждый дизайн сумки при его создании, чтобы вести учет.

¹³ Закрытый бутерброд (*шт.*).

– Помимо швейной машины нужен был только стол, пара умелых рук да светлая голова, – вспоминал Феррари.

Большинство моделей сумок члены семьи Гуччи придумывали сами, но они с радостью принимали от работников на семейное рассмотрение и одобрение предложения новых дизайнов.

Скорее всего, так появилась сумка с бамбуковыми ручками, которую называли просто кодовым номером 0633. Точных сведений о том, кто и когда разработал этот дизайн, не сохранилось, но историк моды Аврора Фьорентини, которая участвовала в создании архива «Гуччи», называет годом ее создания 1947-й. Использовать бамбук начали, когда пришлось обратиться к новым материалам из-за предвоенного торгового эмбарго. Есть мнение, что первая «бамбуковая сумка» была придумана Альдо и тогдашним *capo operaio*, но с кожаной ручкой – вероятно, на основе сумки, которую Альдо привез из поездки в Лондон. На характерную форму сумки его вдохновил вид на седло сбоку. Еще одной особенностью стала жесткая конструкция сумки – больше похожей на небольшой чемодан и отличной от мягких сумок с менее твердым каркасом, которые Гуччи производили до этого. Бамбук, которому придавали форму вручную над огнем, добавил товарам Гуччи особый энергичный вид. Несколько лет спустя, в фильме «Путешествие в Италию» Роберто Росселлини 1953 года, молодая Ингрид Бергман появляется в кадре с сумкой с бамбуковой ручкой и зонтиком от Гуччи.

Гуччи дружили и тесно общались с мастерами, которые работали на них. Они часто бывали в мастерской, обращались к работникам по имени, хлопали старых опытных мастеров по плечу и расспрашивали о делах семейных.

– Мы знали каждого работника поименно, узнавали об их детях, были знакомы с их проблемами и радостями, – рассказывал Роберто Гуччи. – Если кому-то нужна была помощь – купить машину или внести первый взнос за дом, – все приходило к нам. В конце концов, все мы ели с одного стола – хотя у некоторых все-таки была ложка побольше, – скромно добавлял он.

Васко Гуччи, взявший на себя управление фабрикой, разъезжал по Флоренции на популярном в те годы небольшом мотороллере «Мотом». Рабочие на Виа делле Кальдае узнавали о приближении Васко по жужжанию и тархтению, с которыми его мотороллер отталкивался от тесно поставленных зданий узкой улочки.

– Мы всегда говорили: «*Uffa! Eccolo arrivato!*»¹⁴ – вспоминает Феррари. – Васко был хорошим психологом: он прямо чувствовал, интересно тебе то, что ты делаешь, или нет!

Работники любили и ненавидели семью Гуччи одновременно. Гордые и невероятно придирчивые к собственной работе, они все же старались изо всех сил, чтобы услышать искреннее «Браво!» от Гуччио, Альдо, Васко или Родольфо.

Весной 1949 года Альдо, который всегда искал новые возможности, отправился на одну из первых торгово-промышленных ярмарок в Лондоне. На глаза ему попался павильон, где выставлялись свиные кожи, и его поразил их эффектный рыжий цвет. Альдо заказал несколько таких кож у кожевенника, мистера Холдена из Шотландии, и спросил, могут ли они покрасить часть кож в разные цвета, в том числе в синий и зеленый.

– Кожевенник ответил: «Знаете, мальчик мой, мы таким никогда не занимались, но, если хотите, попробуем», – вспоминал Альдо. – Он представил мне шесть кож разного оттенка и сказал, качая головой: «Сами решайте; нам кажется, что это ужасно».

К тому же семейные счета указывают на то, что мистер Холден был поставщиком той самой кожи пегого цвета, которая стала фирменным знаком Гуччи. В семье рассказывают, что первый пятнистый образец получился по ошибке. При дублировании что-то пошло не так, и на коже остались темные, чуть выпуклые пятна.

¹⁴ Ух ты, вот и он едет! (*um.*)

– Погодите-ка, а выглядит свежо! – сказал Альдо и распорядился сделать из этих кож сумки. Возможно, это решение было принято из скупости – есть предположение, что Альдо просто пожалел выбрасывать кожи, – но оно подарило компании новый отличительный знак, который спустя некоторое время чудесно защитил товар от подделки: такую расцветку сложно было симитировать. Свиные кожи заняли такое место в бизнесе Гуччи, что в 1971 году Альдо и вовсе выкупил их производство.

Послевоенные годы стали для Альдо временем подъема в бизнесе и рождения того изобретательного маркетинга, который заставил весь мир услышать имя Гуччи. Гуччио старел, он считал нужным утвердить позиции во Флоренции. Ему не хотелось рисковать всем достигнутым ради далеко идущих планов Альдо, и он спорил с идеями сына. Раздражительно пыхтя гаванской сигарой, Гуччио театральным жестом тянулся в левый карман брюк – в правом он держал часы – и вытаскивал пустую руку:

– У тебя есть на это деньги? Если у тебя есть деньги – тогда делай что хочешь, – говорил он.

Тем не менее Гуччио неявно признавал, что у Альдо есть деловая жилка. Магазин в Риме процветал. Голливудские звезды, которые развлекались в столице, как показано в «Прекрасной жизни», добавили «Гуччи» престижа, а это привлекло еще больше клиентов. И постепенно Гуччио уступил. Он все еще горячо спорил с идеями Альдо по расширению торговли, но негласно поддерживал его и обращался в банки за поддержкой для его планов.

Тем временем Альдо начал раздумывать о загранице: Нью-Йорк, Лондон, Париж. Он мыслил так: зачем ждать, пока покупатель придет к ним? Можно ведь самим направиться навстречу. Его мало беспокоило, где взять деньги на эти проекты. Невзирая на сомнения отца, Альдо верил, что его идеи окупятся.

Помимо своего прирожденного дара к торговле, Альдо унаследовал от отца верность качеству и девиз: «Цена забудется, а качество запомнится» – эти слова он золотым тиснением выводил на свиной коже и стратегически украшал ими стены магазинов.

Альдо продвигал также «концепцию Гуччи»: сочетания цветов и стилей, которые объединят всю их продукцию и станут отличительной чертой их имени. Источником множества идей для товаров Гуччи стали лошади и конюшни. Двойной шов, который использовали для сёдел, красно-зеленая тесьма, похожая на подпругу, а также металлические детали в виде соединенных стремян и удила стали частью стиля компании. Благодаря торговому гению Альдо родился миф, будто Гуччи были знатным родом седельщиков еще в Средние века, – и образ пришелся по вкусу элите, для которой работала компания. Сбруя и аксессуары для конной езды, которые начали выставлять в магазинах, только обогатили легенду о роде седельщиков и отчасти даже пошли в продажу. Миф живет и по сей день. Члены семьи Гуччи и бывшие работники до сих пор утверждают, что род Гуччи занимался сёдлами давным-давно.

– Я хочу сказать вам правду, – созналась Гримальда журналисту в 1987 году. – Мы никогда не были седельщиками. Род Гуччи происходит от семьи из района Флоренции Сан-Миниато.

Согласно истории флорентийских родов, Гуччи из Сан-Миниато еще в 1224 году были юристами и нотариусами, хотя утверждает историк Фиорентини, что их история была приукрашена позднее. Фамильный герб Гуччи изображал синее колесо и розу на золотом знамени, расположенном поверх вертикальных полос: красной, синей и серебряной. Роберто вложил целое состояние в геральдическое исследование, чтобы добавить розу и колесо – символы поэзии и лидерства – на логотип компании. На первом логотипе компании был изображен носильщик с чемоданом в одной руке и дорожной сумкой в другой. Когда Гуччи добились успеха, скромного носильщика сменил рыцарь в доспехах.

К началу 1950-х годов сумка или чемодан от Гуччи указывали на безупречный стиль и вкус владельца. Принцесса Елизавета, будущая королева Англии, посещала магазин Гуччи

во Флоренции – а также Элеонора Рузвельт, Элизабет Тейлор, Грейс Келли и Жаклин Бувье, невеста Джона Ф. Кеннеди. Связи Родольфо в сфере кинематографа привели новых клиентов, в том числе Бетт Дэвис, Кэтрин Хепберн, Софию Лорен и Анну Маньяни.

– Сразу после Второй мировой войны Италия стала центром производства высококачественных предметов роскоши: кожаной обуви и сумок ручной работы, золотых ювелирных украшений, – вспоминала Джоан Кейнер, продавец с многолетним стажем, в наши дни – вице-президент и директор раздела моды в «Нейман Маркус». – «Гуччи» стал одним из первых признаков статуса из Европы: после стольких лет скудости людям очень хотелось красоваться. Тогда я впервые услышала о Гуччи. Люди знали, что под этим именем они получают высокое качество за свои деньги. В это же время начали получать признание первые итальянские модельеры. В феврале 1951 года знатный молодой человек из Флоренции, Джованни Батиста Джорджини – в 1923 году он открыл закупочную контору для товаров из американских магазинов, а к концу войны управлял «Магазином подарков для Союзных войск» – организовал показ мод в собственном доме. Он устроил этот показ вслед за парижскими показами мод и пригласил ведущих журналистов в области моды, а также закупщиков из американских торговых домов, таких как «Бергдорф Гудман», *B. Altman & Co.* и *I. Magnin*. Журналисты были в восторге от стильных, но удобных моделей одежды, а закупщики телеграфировали домой с просьбами выслать денег. Показы Джорджини со временем превратились в первые показы прет-а-порте, где такие имена, как Эмилио Пуччи, Капуччи, Ирен Голицына, Валентино, Ланцетти, Мила Шон, Криция и другие, впервые прозвучали в свете хрустальных люстр в Белом бале Палаццо Питти.

Глава 3. Гуччи в Америке

Интерес к Гуччи в Штатах все рос, и Альдо решил расширить дело семьи в Америке, а именно – отправиться в Нью-Йорк. Американцы были у Гуччи любимыми клиентами. Они любили качество и стиль сшитых вручную кожаных сумок и аксессуаров. Альдо уговаривал Гуччио позволить ему открыть магазин в Нью-Йорке, но рука отца неизменно тянулась к левому карману.

– Хочешь рисковать – рискуй сам, я за это платить не стану, – раздражался Гуччио. – Если надо, иди в банк и спроси, будут ли они ради тебя подставяться! Может, ты и прав. В конце концов, я уже старый человек, – говорил он, когда смягчался. – Я старомоден, поэтому считаю, что лучшие плоды растут в своем саду.

И Альдо его отлично понял. По-своему, но Гуччио дал добро на его затею. Альдо отправился в Нью-Йорк – перелет тогда занимал почти двадцать часов с пересадками в Риме, Париже, Шанноне и Бостоне. Альдо встретился с юристом Фрэнком Дуганом и поделился своими планами, чтобы заручиться его помощью. Затем он приехал в город уже с братьями, Родольфо и Васко, и прошел с ними от начала до конца всю Пятую авеню, восторженно указывая на роскошные магазины.

– Представьте себе – имя Гуччи огромными буквами на этой шикарной улице! – говорил он. Братья остановились на небольшом магазине на 58-й Восточной улице, в доме 7. На саму улицу выходили две витрины. С помощью Дугана была учреждена первая компания Гуччи в Америке: *Gucci Shops Inc.*, со стартовым капиталом в 6000 долларов. Новая компания получила право использовать торговую марку «Гуччи» на рынке США – это был единственный случай, когда такое разрешение было дано магазину за пределами Италии. В дальнейшем все отделения «Гуччи» за рубежом работали по расширенному договору франшизы.

Альдо послал телеграмму Гуччио во Флоренцию, чтобы сообщить, что они назначили его почетным президентом новой компании.

Гуччио пришел в ярость.

«Немедленно возвращайтесь домой, бестолковые мальчишки!» – написал он в ответ, обвинил сыновей в глупости и безответственности, напомнил им, что он еще жив, и пригрозил лишить наследства, если они не откажутся от своей безумной затеи. Альдо лишь отмахнулся от угроз и оскорблений отца. Он даже сумел позвать старика Гуччи в последние дни его жизни в Нью-Йорк – посмотреть на новый магазин. Гуччио так воодушевился, точно идея с открытием в Нью-Йорке была его собственной, – он даже сказал друзьям, что так и было!

– Ого, *Commendatore*¹⁵, – говорили ему друзья, обращаясь к нему в традициях старой итальянской монархии. – Вы невероятно проницательный человек!

– Он успел своими глазами увидеть, что идеи Альдо были не такими уж безумными, – вспоминала Гримальда.

У Гуччио, которому тогда было за семьдесят, были все поводы радоваться. Его дело на всех парах двигалось вперед. Имя Гуччи так же хорошо приняли в далекой Америке, как и в родной Италии. Трое его сыновей усердно работали и дарили ему внуков, которые однажды могли занять свои места в семейной компании. В семье рассказывают, что Гуччио всегда говорил, когда у него рождался внук: «Дайте ему понюхать кусочек кожи. Так будет пахнуть его будущее».

Гуччио отправил Джорджо, Роберто и Паоло работать в магазине: заворачивать и разносить заказы, как когда-то его сыновья. Он был твердо убежден, что научиться делу можно,

¹⁵ Командор (ит.).

только поднявшись с самого низа. В то время сын Родольфо, Маурицио, был совсем ребенком – он жил в Милане и к семейной школе Гуччи еще не приобщился.

В 1953 году, всего через пятнадцать дней после открытия магазина в Нью-Йорке, Гуччио скончался от сердечного приступа. Тем ноябрьским вечером он как раз собирался с Аидой в кино. Ему было семьдесят два года. Когда Аида поднялась узнать, почему муж так долго собирается, то нашла его неподвижно лежащим на полу в ванной. Врач сказал, что его сердце просто остановилось, как старые часы. Верная жена Гуччио последовала за ним через два года, в семьдесят семь. Бывший когда-то бедным посудомойщиком, Гуччио Гуччи стал миллионером и прославил свое дело на двух континентах. Его сыновья унаследовали созданную им империю, и он не застал тяжелые семейные ссоры, которые раздирали династию Гуччи годами позже. Но это сам Гуччио положил им начало: он часто ссорил своих сыновей друг с другом, так как верил, что дух соревнования их подстегнет.

– Он настраивал одного против другого, побуждал показать, какая кровь течет в их жилах, – вспоминал Паоло.

Кроме того, именно Гуччио начал первый крупный скандал в семье: он лишил всех прав на долю наследства в компании своего первого ребенка и единственную дочь, Гримальду. На момент смерти Гуччио Гримальде было пятьдесят два, и она преданно служила делу компании, много лет проработав в магазине, а ее муж Джованни помог спасти компанию от банкротства в 1924 году. Старик Гуччио передал своим сыновьям неписаное правило: женщина не могла иметь наследственного права на компанию. К своему потрясению, Гримальда выяснила, что ее братья получили равные доли в компании Гуччи; ей же достался дом за городом, участок земли и скромная сумма денег.

– Это был старомодный подход, – признавал ее племянник Роберто годы спустя. – Я никогда не видел, где это было прописано, но отец сказал мне, что женщина не имеет права быть партнером в компании Гуччи.

Не сумев договориться с братьями, Гримальда обратилась к адвокату, чтобы добиться своей доли. Но все ее усилия были тщетны. Позже она сознавалась, что неверно поняла ключевой вопрос, озвученный на заседании суда, и по неосторожности подписала отказ от своих прав на наследство в компании в обмен на денежную сумму – это событие надолго задело ее.

– Я ведь хотела принимать участие в развитии компании, которая родилась на моих глазах, – признавалась Гримальда. Она всем сердцем любила своих братьев и не ожидала, что они так с ней обойдутся.

– Она не получила долю в компании, зато ей досталось другое имущество, – много лет спустя возражал Роберто, – хотя, конечно, компания со временем выросла в цене и стоила гораздо дороже.

Смерть отца вызвала у его сыновей смешанные чувства. Хоть им и недоставало его твердой руки и совета, но они впервые в жизни почувствовали, что могут двигаться к собственным целям. Братья разделили дело между собой на три сферы влияния, и поначалу это устраивало всех троих. Альдо, которому, наконец, дали возможность следовать за мечтой и расширять компанию по всему миру, постоянно путешествовал. Родольфо управлял магазином в Милане, а Васко – фабрикой во Флоренции. Гармония воцарилась еще и потому, что Родольфо и Васко предоставили Альдо полную свободу действий: они не спорили с ним, если не считали, что он слишком отдаляется от ценностей и указаний, оставленных Гуччио.

Альдо перевез Олвен в Рим, на просторную виллу, которую построил по соседству с виллой Петаччи – внушительной резиденцией, где, по слухам, жила любовница Муссолини Клара Петаччи. Это был дом на Виа делла Камиллучча – спокойной зеленой улице, которая вела к холму на окраине Рима. На этой улице в наши дни располагаются самые элитные резиденции. Альдо не пробыл здесь долго: он путешествовал между Европой и Соединенными Штатами, открывая для имени Гуччи всё новые горизонты. Они с Олвен развелись гораздо позже, но

к тому времени чувства уже угасли, и Альдо взял с собой в Нью-Йорк ассистенткой темноволосую продавщицу с Виа Кондотти. Звали ее Бруна Палумбо, и она была похожа на знойную итальянскую кинозвезду Джину Лоллобриджиду. Бруна стала спутницей Альдо и со временем переехала в его небольшую квартирку на Западной 54-й улице, в доме 25, напротив Музея современного искусства. Поначалу они скрывали, что живут вместе. Альдо боготворил Бруну, осыпал ее дорогими подарками и пытался разделить с ней свой восторг от устойчивого развития семейного бизнеса. Он уговаривал ее путешествовать вместе с ним, но она опасалась – отчасти ее тревожило собственное положение любовницы. В итоге, годы спустя, Альдо женился на Бруне в Штатах, хотя Олвен так и не дала согласия на развод. После этого Бруна иногда соглашалась сопровождать Альдо на званых вечерах и церемониях открытия: он представлял ее как миссис Гуччи.

Тем временем Родольфо держал магазин в Милане, а также создавал дизайны самых дорогих сумок и аксессуаров от Гуччи.

– У Родольфо был тончайший вкус, – вспоминал Франческо Джиттарди, который проработал на «Гуччи» восемнадцать лет и был управляющим магазином в Милане под началом Родольфо с 1967 по 1973 год. – Это он изобрел застёжки из 18-каратного золота для сумочек из крокодиловой кожи. Он обожал свои дизайны и часами сидел над ними.

Родольфо оставался самым большим романтиком из троих братьев и продолжал одеваться как актер, отдавая дань своему прошлому. Он носил бархатные пиджаки необычных цветов: например, травянисто-зеленый с золотым – с блестящими шелковыми платками в нагрудном кармане. Летом он появлялся в элегантных бежевых льняных костюмах и броских соломенных шляпах.

Васко тем временем начал производить на фабрике во Флоренции вещи по собственным дизайнам. Здесь же под его началом с 1952 года работал Паоло, сын Альдо. Свободное время Васко все еще посвящал своим увлечениям: охоте, обширной коллекции винтовок и своему «Ламборгини»; за все это Васко дали новое прозвище: Мечтатель.

Из троих сыновей Гуччио именно Альдо стал локомотивом всего бизнеса: он принимал почти все важные решения, хотя всегда советовался с братьями.

– Альдо всегда предпочитал действовать с согласия всей семьи, – рассказывал Джиттарди. – Он сам выдвигал идеи, но решения принимал только семейный совет. При этом Альдо обычно позволяли делать по-своему: у него было отличное чутье, особенно, что касается того, где стоит открыть магазин.

Альдо путешествовал между Соединенными Штатами и Европой; в 1959-м он перевез римский магазин на Виа Кондотти, 8, где он сейчас и находится: напротив знаменитого кафе «Греко» и в нескольких шагах от Испанской лестницы. В 1960 году он закрепил первый успех «Гуччи» на Пятой авеню, открыв новую точку продаж в отеле «Сент Реджис» на углу 55-й улицы. В течение года после этого магазины «Гуччи» открыли свои двери в итальянском городе-курорте Монтекатини, на лондонской Олд-Бонд-стрит и в «Роял Поинсиана Плаза» в Палм-Бич. Первый магазин «Гуччи» в Париже, на улице Фобур-Сент-Оноре, недалеко от Вандомской площади, появился в 1963 году. Второй открылся в 1972 году на пересечении Рю Фобур-Сент-Оноре с улицей Рояль.

Усердно работая, Альдо редко брал больше трех-четырёх выходных в год. Он ежегодно пересекал Атлантический океан не меньше дюжины раз, держал квартиры в Лондоне и Нью-Йорке, а затем купил поместье на океанском побережье в Палм-Бич – по его словам, только там он мог как следует расслабиться. На вопрос о том, есть ли у него хобби, он только смеялся. Даже если он оказывался в Палм-Бич в воскресенье, то всегда находил повод отправиться в магазин, чтобы проверить бумаги или товар. Раз в две-три недели он встречался с Родольфо и Васко во Флоренции, чтобы обсудить дела. Места жительства во Флоренции у него уже не

было, и он останавливался в «Отель де ля Виль» на Виа Торнабуони, который открылся в начале 1950-х как конкурент старейшим и лучшим отелям города, «Эксельсиор» и «Гранд».

Как и отец, Альдо звал своих сыновей в семейное дело. Благодаря Олвен все они бегло говорили на английском и даже называли отца «дэдди». Своего младшего сына, Роберто, Альдо привез в Нью-Йорк помогать с открытием магазина на 58-й Восточной улице. Роберто остался почти на десять лет – в 1962 году он вернулся во Флоренцию, чтобы учредить новый административный отдел и новые салоны при головном офисе «Гуччи». Кроме того, в конце 1960-х Роберто открыл первую франшизу компании в Брюсселе: это было успешное предприятие, впоследствии послужившее моделью для развития франшизы «Гуччи» в Соединенных Штатах. Он также учредил во Флоренции бюро жалоб, куда клиенты могли обратиться с любыми проблемами по поводу товаров или услуг «Гуччи». Альдо все больше полагался на Роберто, которому дал прозвище Санни – Сынок.

В 1956 году Роберто женился на Друзилле Кафферелли – утонченной и благочестивой голубоглазой красавице из знатной римской семьи. У них было шестеро детей: Козимо (1956), Филиппо (1957), Уберто (1960), Мария-Олимпия (1963), Домитилла (1964) и Франческо (1967). Из всех сыновей Альдо Роберто был самым послушным и консервативным, он питал больше всего уважения к родителям. Паоло прозвал своего правильного и набожного брата *il Prete* – Священник. Даже Альдо иногда находил характер своего Санни слишком угрюмым. Летом Роберто с женой и детьми жили на Вилле Багаццано – в семейном доме Друзиллы на окраине Флоренции. Зимой они переезжали в городскую квартиру.

– Когда мы приглашали Альдо пообедать или поужинать в свой загородный дом, – вспоминал Роберто, – он смотрел на изображения Девы Марии на стенах в столовой и повторял: «Боже, Роберто, я как будто на кладбище!»

Джорджо приезжал к Роберто ненадолго, на стажировку. С ним приезжала Ориетта Мариотти – его первая жена и мать двух его сыновей, Алессандро 1953 года рождения и Гуччио – 1955-го. Ориетта готовила спагетти на всю семью в маленькой съемной квартирке Гуччи, чтобы накормить ужином все большое семейство, как это делают в Италии. Но Джорджо не выдержал темпа жизни в Нью-Йорке. Вскоре он вернулся в Италию, взял на себя управление магазином в Риме и стал присматривать за матерью, которую возил паромом отдыхать на побережье в Порто-Санто-Стефано.

– Джорджо был очень робок, – вспоминает Шанталь Скибинска, которую Альдо в 1974 году нанял директором по связям в Европе и международным модным координатором. – На него давил грандиозный характер отца.

Альдо, как и Гуччио, оказался строгим и авторитарным отцом. Однажды, когда Паоло провинился в четырнадцать-пятнадцать лет, Альдо в наказание отдал в другие руки его собаку. Узнав, что собаки больше нет, Паоло плакал целую неделю.

– Мой отец был строже с сыновьями, чем с подчиненными, – признавал Роберто.

На удивление, именно Джорджо первым вырвался из семьи, когда стал взрослым. Несмотря на робость, это был независимый духом человек. Его отец и дядя Родольфо были в ярости, когда в 1969 году он решил открыть свой собственный магазин, «Гуччи Бутик», вместе с Марией Пиа, бывшей продавщицей «Гуччи», которая затем стала его второй женой. Бутик Джорджо открылся в Риме, на Виа Боргоньона, расположенной параллельно Виа Кондотти, немного к югу, и его задумка несколько отличалась от остальных магазинов «Гуччи». Этот бутик был ориентирован на более молодых покупателей, и его ассортимент включал много недорогих аксессуаров и подарков. Джорджо и Мария разработали собственную линейку сумок и аксессуаров, которые производились на фабрике «Гуччи». Бунта Джорджо было достаточно, чтобы назвать его предателем, хотя он и меркнет на фоне того раздора, который начался в семье позже.

Когда журналист спросил Альдо о Джорджо и втором магазине в Риме, Альдо ответил:

– Он паршивая овца в этой семье. Он променял круизный лайнер на шлюпку, но он еще вернется!

И Альдо оказался прав. В 1972 году семейная компания поглотила «Гуччи Бутик», хотя им все еще управляли Джорджо и Мария Пиа.

Паоло, средний сын Альдо, которого часто называли самым творческим из троих, еще мальчиком работал с клиентами в римском магазине, а затем осел во Флоренции. Там он работал на фабрике на своего дядю Васко, где и раскрылся его талант дизайнера. Идеи Паоло пошли в производство и вскоре превратились в целую линейку товаров от Гуччи. Зная, каково жить с неугомонным и авторитарным отцом, Паоло поначалу не хотел переезжать в Нью-Йорк: ему было достаточно работать над дизайнами дома, во Флоренции. В 1952 году он женился на местной девушке Ивонн Мошетто; у них родились две дочери: Элизабетта в 1952 году, Патриция – в 1954-м.

Лишенный почтительности и дипломатичности своих братьев, Паоло жестоко невзлюбил деспотизм отца. Детский опыт работы в магазине в Риме оказался для него унижительным: он с неохотой проявлял галантность к клиентам, зачастую влиятельным и знаменитым. Вопреки правилу Гуччио, он даже отрастил усы: его дед ненавидел, когда мужчины отращивали волосы на лице.

Дела у Паоло шли прекрасно, пока ему давали полную свободу разрабатывать и производить новую продукцию; он даже создал первые для компании товары массового производства. В свободное время он держал почтовых голубей в голубятне, которую построил возле дома во Флоренции, – со временем в шарфах с его дизайнами появились изображения соколов и голубок. Однако Альдо быстро понял, что надолго удержать Паоло в семейных рамках не получится.

– Альдо всегда говорил о Паоло, любителе лошадей: это чистокровный скакун, но, увы, объездить себя он никогда не даст, – вспоминал Франческо Джиттарди, давний работник «Гуччи».

Казалось, энергия и идеи Альдо неиссякаемы. В Нью-Йорке, если не надо было давать интервью или вылетать на открытие нового магазина, он вставал в 6:30–7:30 утра, завтракал в квартире на 54-й улице вместе с Бруной – та следила за его питанием, занималась стиркой и в принципе заботилась о его нуждах. После завтрака Альдо первым делом направлялся – в Нью-Йорке и в любом другом городе – в магазин «Гуччи», где, здороваясь, называл каждого работника по имени.

– Никогда не говорите покупателю: «Чем я могу вам помочь?» – учил он продавцов. – Всегда начинайте с «Доброе утро, мадам!» или «Доброе утро, сэр!».

Затем он проводил проверку товара и витрин, после чего принимал звонки с других континентов у себя в офисе. Однажды он зашел в магазин, продававший товары «Гуччи» по франшизе, провел пальцем по полке и обнаружил слой пыли. Контракт франшизы был немедленно разорван.

Фантазия Альдо непрерывно работала над новыми товарами, новыми местами для точек продаж, новыми маркетинговыми стратегиями. Он расхаживал из стороны в сторону – днем по кабинету, ночью по спальне – и останавливался лишь записать то, что нужно было сделать.

– Он был сам себе отдел маркетинга, – говорил о нем бывший работник.

– Он всегда врывался в магазин широким шагом, – вспоминала Шанталь Скибинска. – По лестницам в римском магазине он ходил через ступеньку, а то и через две, и подчиненные трепетали при виде его.

Своим примером Альдо внушал работникам преданность своей работе и убеждение, что все они трудятся над делом, которое любят и которым стоит гордиться. Он относился к подчиненным как к семье, чем заслужил их неукоснительную верность: такова была управленческая модель в итальянских семейных предприятиях.

– Он поощрял всех, кто на него работал, и каждому обещал что-то лично, – вспоминал один бывший работник Альдо. – Поэтому все трудились очень старательно.

Некоторые, впрочем, разочаровывались, когда понимали, что можно всю жизнь усердно работать, но стать частью семьи не получится: системы фондовых опционов тогда не существовало.

Энергичный и деятельный Альдо мог быть как любящим и по-отечески заботливым управляющим, так и жестким, авторитарным тираном.

– Мне был двадцать один год, когда я пришла работать к Альдо, – рассказывала Энрика Пирри, говоря о первых днях работы на Виа Кондотти. – Он мне был как отец или старший брат.

Энрика вспоминала, что всегда могла прийти к нему за помощью – она даже попросила у него денег в долг, чтобы вылатить взнос за свою первую квартиру, и Альдо не отказал.

– Хотя он был и строгим, – замечала она. – За ошибки он мог накричать, довести до слез. Но у него всегда находилось на нас время, с ним можно было пошутить. Он любил посмеяться.

Альдо, сохранявший в себе игривость и озорство ребенка, очаровывал трудных клиентов в бутиках и тут же высмеивал за глаза – чем смущал своих подчиненных, которые с трудом сдерживались от смеха при покупателях. Из-за этого в отношениях «Гуччи» с клиентами сложился своеобразный тон, который впоследствии не раз попадал в заголовки газет.

Как-то на официальном приеме в Лондоне одна англичанка задала Альдо невинный вопрос: почему у Гуччи всегда столько детей, и Альдо с готовностью ответил: «Потому что в Италии мы начинаем заниматься любовью очень рано!» – и был в явном восторге от выражения ее лица.

Альдо любил женщин, и у него было много любовниц. Согласно истории компании, он даже устроил одну из своих возлюбленных в роскошных апартаментах на окраине Рима, в которые у него был собственный тайный вход – из коридора прямо в спальню, чтобы пройти незамеченным мимо прислуги и детей. Альдо бессовестно флиртовал и приветствовал симпатичных ему редакторов модных журналов, целуя в губы. Он умел быть галантным: ведь он никогда не забывал, что женщины – лучшие клиенты «Гуччи».

– Это был такой пройдоха, – с улыбкой вспоминала Энрика Пирри. – Он прекрасно знал, что каждый поцелуй руки у богатой леди из Палм-Бич – это еще одна проданная сумочка!

Кроме того, Альдо мастерски приукрашивал правду ради мысли, которую хотел донести; скорее всего, именно он старательнее всех продвигал истории о благородном роде седельщиков. Доменико де Соле – действующий генеральный директор «Гуччи», который был очень близко знаком с Альдо, будучи еще молодым юристом, представлявшим семью, а затем и компанию – вспоминал, как Альдо на голубом глазу противоречил всяческой логике и любым доказательствам обратного.

– Он был из тех, кто может зайти в дом из-под проливного дождя и заявить тебе прямо в лицо, что сегодня чудесная погода, – рассказывал де Соле.

Когда Альдо злился, он расхаживал по комнате еще быстрее обычного, скрестив руки на груди, фыркая себе под нос и непрерывно потирая подбородок пальцами: «Кхм, кхм, КХМ!» Когда он, наконец, взрывался, лицо его краснело до лилового оттенка, вены на шее вздувались; он выкатывал глаза и молотил кулаком по столу, ломая все, что ни попадалось ему под руку. Однажды он по неосторожности разбил свои же очки; увидев, что они сломаны, он еще несколько раз с силой приложил ими об стол.

– Вы не знаете Альдо Гуччи! – рычал он. – Если я решил, так все и будет!

Бывшим работникам даже случалось видеть, как Альдо в гневе метал утюги и пишущие машинки.

Скупость Гуччио отчасти передалась и его сыну. В Нью-Йорке Альдо любил обедать – один или с сотрудниками – в рабочей столовой при отеле «Сент Реджис», где подавали горя-

чий обед за полтора доллара. Он также поддерживал «Праймбургер» и закусочную Шрафта, в которой заказывал клуб-сэндвич и горячий пирог с яблоком. Еще одним его фаворитом был сэндвич с ростбифом в заведении Рубена на 58-й Восточной улице, через дорогу от магазина. Поход в дорогой ресторан – «21» или «Каравеллу» – считался важным событием, и его скардность иногда казалась людям противоречивой.

– Он мог экономить на закусках для пресс-конференции, а потом потратить целое состояние на межконтинентальный звонок, чтобы обсудить приглашения, – вспоминал Логан Бентли Лессона, американский писатель, проживавший в Италии: Альдо нанял его в 1968 году заниматься связью с прессой, сделав его первым человеком на этой должности.

Альдо был всегда безупречно одет и впечатляюще выглядел в своих итальянских костюмах и рубашках, сшитых на заказ. Зимой он носил фетровые шляпы, кашемировые пальто, синие водолазки и серые фланелевые брюки. Летом его наряд составляли мастерски сшитые хлопковые костюмы светлых цветов и белые мокасины. Поначалу он отказывался от обуви, произведенной «Гуччи», в пользу традиционных итальянских моделей – обычно модельных туфель из Италии. Мокасины в ту эпоху считались слишком женственной обувью. Однако к концу 1970-х годов Альдо решил дополнить свой внешний вид парой блестящих туфель с пряжкой. Его часто можно было увидеть с цветком в петлице.

– Костюмы всегда сидели на нем чуть-чуть в обтяжку, в нем было чуть многовато лоска, – вспоминал Лессона.

Альдо нравилось, когда в Италии его называли *dottore*, а в Соединенных Штатах – «доктор Альдо», и он пользовался своей почетной степенью бакалавра экономики в колледже Сан-Марко во Флоренции. В 1983 году Альдо получил звание доктора и в Америке: это была почетная степень доктора социальных наук в магистратуре и Университетском центре Городского университета Нью-Йорка.

Стремление Альдо открывать все новые магазины не угасало. Он нашел для своего бизнеса Родео-драйв, тогда еще тихую улицу в Беверли-Хиллз, до того как та наполнилась шикарными магазинами; в октябре 1968-го по случаю открытия на ней нового магазина состоялся прием и показ мод с участием знаменитостей. Магазин в Беверли-Хиллз, чуть отдаленный от тротуара в северной части Родео-драйв, был создан для звезд. Перед ним располагалась открытая зеленая веранда, где скучающие мужья могли ждать своих жен и любоваться калифорнийскими девушками. За огромными дверьми из стекла и бронзы располагался изящный интерьер с изумрудно-зеленым ковром и восемью подсвечниками в духе Джотто, из муранского стекла и флорентийской бронзы. Родольфо даже нанял съемочную группу, чтобы запечатлеть церемонию открытия.

За год до того сбылась многолетняя мечта Гуччи: открыл свои двери магазин во Флоренции, на Виа Торнабуони. Самый роскошный и по сей день, этот магазин украшали изящные входные двери, пастельный декор, блестящие витрины из орехового дерева и выдвижные зеркала. Оформленный кожей и неизменной красно-зеленой тесьмой лифт перевозил семью и персонал между четырьмя этажами кабинетов и торговых залов. В кабинете Роберто даже установили систему видеонаблюдения, чтобы он мог следить за торговым этажом со всех ракурсов.

– Видно было вообще все, – с усмешкой вспоминал Роберто, – но через три года профсоюз заставил меня убрать систему: сказали, что это вмешательство в частную жизнь сотрудников.

На открытии магазина на Виа Торнабуони сотрудников «Гуччи» нарядили в униформу: для мужчин – белая рубашка, черный пиджак и галстук, а также черные с серым полосатые брюки; для женщин – юбочный костюм-тройка, винного цвета зимой и бежевого летом. Продавщицы всегда носили простые туфли на каблуках, а не мокасины от Гуччи: тогда было не принято одевать сотрудников в то же, что предлагалось покупателям.

Открытие на Виа Торнабуони было изначально назначено на декабрь 1966 года, но его пришлось перенести из-за печально известного ноябрьского потопа: воды Арно вышли из берегов и хлынули на город, из-за чего пострадали бесценные произведения искусства и исторические архивы, а местные магазины и конторы оказались затоплены водой на полтора-два метра. Когда утром 4 ноября 1966 года послышался сигнал тревоги, из всей семьи во Флоренции были только муж Гримальды Джованни, а также Роберто, Паоло и Васко.

Вместе они спасли на сотни тысяч долларов товара, перетащив его из подвала магазина на Виа делла Винья Нуова на верхний этаж.

– Переезд на Виа Торнабуони ожидался через несколько недель, и весь товар еще был на Виа делла Винья Нуова, – вспоминал Джованни.

Когда они поднимали последние ящики из подвала наверх, ковровлин у них под ногами начал вздуваться и пузыриться. Когда же работа была окончена, все уже стояли по пояс в воде.

– В магазине была катастрофа, но девяносто процентов товара нам удалось спасти, – вспоминал Паоло, – и не пришлось тратить на ремонт, потому что мы собирались открывать новое помещение на Виа Торнабуони через пару месяцев. В общем-то, мы легко отделались.

К счастью, фабрика на Виа делле Кальдае стояла на возвышении и практически не пострадала. Потоп схлынул, но поток заказов продолжал прибывать. Мастера на Виа делле Кальдае работали сверхурочно и все равно не справлялись. Семья Гуччи вскоре поняла, что пора расширяться, и в 1967 году компания приобрела площадку в Скандиччи, пригороде Флоренции. Джованни, мужу Гримальды, поступил заказ построить здесь новую фабрику для растущей империи Гуччи – современный завод на 150 тысяч квадратных метров с помещениями для разработки, производства и хранения продукции. Кроме того, Альдо хотел видеть в этом здании гостиничные места и помещения для встреч, чтобы дважды в год проводить собрания работников компании со всего мира; впрочем, этот проект не был воплощен в жизнь.

В 1966 году с помощью итальянского художника Витторио Аккорнеро Родольфо создал еще одну икону «Гуччи» – шарф «Флора». В один прекрасный день княгиня Монако Грейс Келли навестила магазин в Милане – Родольфо тут же появился из кабинета и кинулся встречать гостью, чтобы показать ей залы. Когда экскурсия была окончена, Родольфо обратился к княгине и предложил сделать ей подарок. Та попыталась возразить, но Родольфо настаивал, и, наконец, княгиня сказала:

– Раз уж вы настаиваете, как насчет шарфа?

Однако княгиня Грейс не знала, что компания «Гуччи» почти не занималась шарфами – за исключением маленьких квадратных шарфов в 70 сантиметров длиной, с узорами в виде стремян, с железнодорожными или индийскими мотивами. Родольфо показалось, что такой шарф не подойдет княгине. Он растерялся и попытался выиграть время, спросив, какой именно шарф хотелось бы гостье.

– Не знаю, – ответила та, – может быть, какой-нибудь с цветами?

Родольфо запаниковал. Он не знал, что ему делать.

– Видите ли, княгиня, – сказал он и очаровательно улыбнулся, – мы сейчас как раз работаем над таким шарфом. Как только он будет закончен, я обещаю вам, что вы, именно вы станете его первой обладательницей!

С этими словами он вручил ей сумочку с бамбуковыми ручками и распрощался. Как только княгиня вышла за дверь, Родольфо позвонил Витторио Аккорнеро, с которым познакомился, еще будучи актером.

– Витторио, можешь сейчас же прибыть в Милан? Произошло настоящее чудо!

Аккорнеро приехал из близлежащего города Кунео, и Родольфо рассказал ему о визите княгини Грейс.

– Витторио, – сказал он другу, – мне нужен от тебя шарф, на котором будет взрыв цветов! Я не хочу геометрически правильный дизайн, я хочу взрыв. Хочу, чтобы цветы было видно под любым углом.

Аккорнеро согласился попробовать, и, когда он вернулся с готовым рисунком, Родольфо увидел ровно то, что себе представлял: поразительное изобилие цветов. Тогда он попросил Фьорио, одного из лучших мастеров шелкографии в районе Комо, к северу от Милана, напечатать этот рисунок на большом квадрате 90 на 90 сантиметров. Фьорио разработал технику, похожую на шелкотрафаретную печать, которая позволяла печатать более сорока отдельных цветов так, чтобы не растекались оттенки. Когда шарф был готов, Родольфо из рук в руки передал его княгине. И хотя ни изначальный дизайн, ни первый шарф с тех пор не были найдены, но «Флора» подтолкнул «Гуччи» к работе с шелком: впоследствии этот дизайн был перенесен на предметы одежды, сумки, аксессуары и даже ювелирные украшения. Приобрела популярность и его уменьшенная версия, известная как «мини-Флора». Кроме того, этот дизайн положил начало целой линейке легкой одежды, созданной несколько лет спустя. Аккорнеро начал создавать для «Гуччи» по два-три шарфа в год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.